

Вопросы судопроизводства и криминалистики

Научная специальность:

12.00.15 «Гражданский процесс; арбитражный процесс»

УДК 347.918

НЕДОПУСТИМЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

© **Зубович М. М.***, **Томбулова Е. Г.***, **Шкурова П. Д.****, 2019

* Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар, Россия

** Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина, г. Москва, Россия

Проведено актуальное комплексное научное процессуально-правовое исследование, в котором анализируются: аспекты общеевропейской тенденции на расширение полномочий коммерческих арбитражей и судов по определению допустимости доказательств (судебных доказательств) по рассматриваемым делам (на основе новейших европейских правовых документов, регулирующих использование доказательств составами коммерческих арбитражей и судами); научные аспекты конституирования судебных доказательств в российском гражданском и административном судопроизводстве (на основе Гражданского процессуального кодекса РФ, Арбитражного процессуального кодекса РФ, Кодекса административного судопроизводства РФ, Концепции единого Гражданского процессуального кодекса РФ); сравнительные аспекты использования института недопустимых доказательств в гражданском процессуальном законодательстве Республики Казахстан (на основе анализа ст. 66 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан), в уголовном судопроизводстве (в том числе на основе Уголовно-процессуального кодекса РФ, а также Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации); прикладные аспекты негативного влияния на российскую судебную практику отсутствия детального регулирования института недопустимых доказательств в цивилистических процессуальных кодексах (на примерах фактического использования в российской судебной практике в качестве судебных доказательств, относимых по делу сведений об обстоятельствах дела, полученных с помощью полиграфа, или детектора лжи); в заключение предлагается совершенствование процессуального законодательства путем закрепления института недопустимых судебных доказательств (в том числе – на основе Концепции единого Гражданского процессуального кодекса РФ, с использованием некоторых положений инициативного проекта «Основы гражданско-процессуального законодательства Союза ССР и союзных республик»).

Ключевые слова: использование доказательств в коммерческом арбитраже, судебные доказательства, недопустимые судебные доказательства, уголовное судопроизводство, гражданское судопроизводство, административное судопроизводство.

В 2010-е гг. в правовой регламентации европейских арбитражных процедур обозначилась тенденция к расширению полномочий коммерческих арбитражей (составов арбитража) в определении допустимости используемых источников сведений об обстоятельствах коммерческих споров. Так, Торговой палатой г. Стокгольма с 1 января 2017 г. введена в силу новая редакция Арбитражного регламента Арбитражного института при Торговой палате г. Стокгольма. В статье 31 этого регламента закреплено, что допустимость, относимость,

существенность и значимость доказательств определяются составом арбитража¹.

Новый свод правил для получения доказательств в международном арбитраже – Правила эффективной организации процесса в международном арбитраже (Пражские правила) – официально подписан 14 декабря 2018 г. в Праге после 4 лет его составления. Конференция, по-

¹ Арбитражный регламент Арбитражного института при Торговой палате г. Стокгольма [Электронный ресурс] // The Arbitration Institute of the Stockholm Chamber of Commerce, 2019. URL: https://sccinstitute.com/media/189180/skiljedomsregler_2017_ru_web.pdf (дата обращения: 04.04.2019).

священная Пражским правилам, собрала более 150 арбитражных практиков, экспертов и штатных юристов из ведущих мировых компаний, после чего состоялась официальная церемония подписания книги подписей Пражских правил, которая сдана на хранение в Праге. В этом документе усиливается роль состава арбитража в получении доказательств, реализуется важная идея – «эффективность международного арбитража в конечном итоге зависит от того, насколько эффективно будут найдены и представлены доказательства». Например, ст. 5.5 Пражских правил закрепляет, что состав арбитража может, если посчитает это допустимым, самостоятельно предложить стороне представить письменные свидетельские показания конкретного свидетеля до слушания¹.

Расширяются полномочия составов коммерческих арбитражей по признанию допустимыми электронных доказательств. Так, ст. 4.7 Пражских правил закрепляет, что документы представляются в виде фотокопий и (или) в электронной форме. Представленные документы считаются «идентичными подлинникам», однако состав арбитража может распорядиться о представлении подлинника документа.

Аналогичную тенденцию по регламентации допустимости электронных доказательств обнаруживаем также в Европейском совете. Так, Комитет министров Совета Европы дал следующие рекомендации в отношении принципов использования электронных доказательств² в гражданском и административном судопроизводстве: «Электронные доказательства должны оцениваться так же, как и другие виды доказательств, в частности, в отношении их допустимости, подлинности, точности и целостности. Обработка электронных доказательств не должна быть невыгодной для сторон или давать несправедливое преимущество одной из них»³.

С учетом отмеченной тенденции, полагаем, что при конституировании судебных доказательств в российском цивилистическом про-

цессуальном законодательстве необходим более широкий доктринальный подход к закреплению полномочий российских судов по определению недопустимых доказательств.

Определенный шаг в этом направлении был сделан при разработке и принятии Кодекса административного судопроизводства (КАС) РФ, который закрепил термин «недопустимые доказательства», однако их понятия не дал. Статья 61 КАС РФ закрепляет термин «недопустимые доказательства» и правовой механизм «исключения доказательств» судом из административного дела «ввиду их недопустимости».

Анализ ст. 61 КАС РФ позволяет сделать вывод о том, что в данном случае законодателем использован однокоренной антоним «недопустимый» для термина «допустимый»⁴, т. е. термин, имеющий прямо противоположное лексическое значение. Иными словами, недопустимые доказательства не отвечают требованиям, указанным в ст. 59 КАС РФ (противоположное содержание нормы ст. 61 «Допустимые доказательства» КАС РФ). Как видно из сопоставления ч. 2 с нормами ч. 1 ст. 61 КАС РФ, речь идет о негативной допустимости доказательства⁵. Аналогичным образом законодатель в ч. 4 ст. 164 Арбитражного процессуального кодекса (АПК) РФ упоминает о недопустимых доказательствах, признанных таковыми судом.

Заметим, что КАС РФ в основном состоит из норм, заимствованных из утратившего силу подразд. III ГПК РФ, норм разд. 1 «Общая часть» ГПК РФ. Как справедливо отмечает И. В. Решетникова, несмотря на появление некоторых новаций в области доказывания, в целом данный межотраслевой институт «в подавляющем большинстве случаев остается неизменным» [9, с. 7]. Имевшиеся в первоначальном тексте КАС РФ новации постепенно нивелируются законодателем. Так, в ч. 2 ст. 59 гл. 6 КАС РФ «Доказательства и доказывание» такие средства доказывания, как «электронные документы», с 1 января 2017 г. были исключены⁶.

¹ Правила эффективной организации процесса в международном арбитраже (Пражские правила) [Электронный ресурс]. // Prague Rules. 2019. URL: <https://praguerules.com/upload/mediabrary/443/44329e359e3111b0abca6f3b1be20412.pdf> (дата обращения: 04.04.2019)

² Для целей настоящих руководящих принципов, «электронное доказательство» означает любое доказательство, полученное из данных, содержащихся или произведенных любым устройством, функционирование которых зависит от программного обеспечения, или данных, хранящихся или передаваемых по компьютерной системе или сети.

³ Руководящие принципы Комитета министров Совета Европы в отношении электронных доказательств в гражданском и административном судопроизводстве (Приняты Комитетом министров 30 янв. 2019 г. на 1335-м заседании заместителей министров). [Электронный ресурс] // Council of Europe. 2019. URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=0900001680902e0c (дата обращения: 04.04.2019).

⁴ Однокоренные антонимы создает приставка «не» (См.: [Электронный ресурс] // RusskiiYazyk.ru.2019 : сайт. URL: <https://russkiiyazyk.ru/leksika/antonimy-primery-slov.html>) (дата обращения: 04.04.2019).

⁵ Этот вывод подтверждает и судебная практика, см. напр.: Решение Свердловского районного суда г. Костромы от 29 дек. 2017 г. по делу № 2А-5170/2017 [Электронный ресурс]. // Суд. и норматив. акты РФ. 2017. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 15.04.2019), Решение Туймазинского межрайонного суда Республики Башкортостан от 04.12.2017 по делу № 2А-3923/2017 [Электронный ресурс] // Суд. и норматив. акты РФ. 2017. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 15.04.2019).

⁶ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти : федер. закон РФ от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2016. № 26 (ч. 1). Ст. 3889.

Полагаем, что можно сделать вывод об отсутствии в рассмотренном нами аспекте специфики в целом у гл. 6 КАС РФ. Новеллы ст. 61 КАС РФ, закрепившие термин «недопустимые доказательства» и правовой механизм «исключения доказательств из административного дела ввиду их недопустимости», в действующей редакции не являются инновационными [10, с. 36]. Логический объем норм, посвященных судебным доказательствам в гражданском процессе, арбитражном процессе и административном судопроизводстве, сегодня по-прежнему принципиально одинаков.

Вместе с тем некоторая новизна в ст. 61 КАС РФ видится в следующем: в КАС РФ получает развитие правовой механизм признания доказательства недопустимым – на основании именно письменного ходатайства лица, участвующего в деле, на которое возлагается бремя доказывания обстоятельств, на которых основано ходатайство¹. Кроме того, законодатель закрепляет в ч. 1 допустимость доказательств в широком (общем) смысле – как их соответствие требованиям, указанным в ст. 59 КАС РФ, а в ч. 2 ст. 59 использует вслед за конструкцией ч. 2 ст. 64 АПК РФ термин «допускаются» применительно к возможным «в качестве доказательств» средствам доказывания (для сравнения: ГПК РФ говорит, что «сведения могут быть получены» из определенных средств доказывания).

В Уголовно-процессуальном кодексе (УПК) РФ используется аналогичный правовой механизм, предполагающий именно письменную форму ходатайства и возлагающий «бремя доказывания» на сторону, заявившую ходатайство (ст. 235 «Ходатайство об исключении доказательств»). Вместе с тем в ст. 75 УПК РФ «Недопустимые доказательства» раскрываются признаки недопустимых доказательств (ч. 1), дан перечень недопустимых доказательств как доказательств, полученных с нарушением требований УПК РФ (ч. 2). В данном случае законодатель исходит из указания недопустимых доказательств, исходя из широкого толкования недопустимости/допустимости как элемента общей характеристики судебных доказательств. В широком смысле допустимость доказательства означает его законность, т. е. получение и использование доказательства в точном соответствии с правилами, установленными УПК РФ². Вместе с тем нарушениями собственно требований УПК РФ дело не ограничивается.

¹ Термин «бремя доказывания» не используется ни в ГПК РФ, ни в АПК РФ, его использование характерно, к примеру, для Гражданского кодекса РФ (ст. 1350, 1351, 1486).

² Допустимость доказательств имеет общий и специальный характер [9, с. 13].

Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что доказательства по делу являются недопустимыми как в случае их получения в нарушение положений процессуального законодательства Российской Федерации, так и в случае их получения с нарушением Конвенции о защите прав человека и основных свобод или протоколов к ней в толковании Европейского суда³. Как видим, Пленум, говоря о недопустимости доказательств, имеет в виду не только положения УПК РФ, но также положения всего процессуального законодательства Российской Федерации.

В литературе, посвященной легальной дефиниции доказательств в уголовном процессуальном праве, отмечают, что внимание «законодателя и высшей судебной инстанции целесообразно сосредоточить на разработке условий допустимости в уголовное судопроизводство доказательственных сведений и их материальных носителей» [8, с. 205].

В разработанной доктринальной модели доказательственного права предлагается конкретизировать условия общей допустимости доказательств. Ее авторы предлагают при производстве по уголовному делу не допускать в качестве доказательств показания и фактические материалы, если были нарушены общепризнанные принципы и нормы международного права, Конституции России, Уголовно-процессуального кодекса, приведшие «к непоправимому лишению лица прав и свобод человека и гражданина, обесцениванию правосудия»; при разрешении ходатайства о признании показаний или материалов недопустимыми в качестве доказательств суд обязан также следовать соответствующим правовым позициям Европейского суда по правам человека (ч. 1 ст. 4.1 «Показания и фактический материал, недопустимые в качестве доказательств»). В части 2 названной проектной нормы указываются десять фактических оснований ничтожности доказательства. Например, в п. 9 указано такое основание ничтожности

³ См. п. 11 Пост. Пленума Верхов. Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 нояб. 1950 г. и Протоколов к ней» (Рос. газ. 2013. 5 июля); заметим, что ЕСПЧ не производит переоценку доказательств, кроме случаев, когда оценка доказательств производилась национальными судами с грубыми нарушениями; другое дело, когда результатом этих ошибок было ущемление прав и свобод, гарантированных Конвенцией. Например, по мнению ЕСПЧ, российские суды не проверили «наличие опасности для других» и базировали свое решение лишь на медицинских заключениях, в которых говорилось о раздражительности, но не об агрессии, словесной или физической. Желание мужчины одеваться как женщина не может являться доказательством существования «опасности для всех». См.: Пост. Европейского суда по делу «Х. против России» (жалоба № 3150/15) от 20 февр. 2018 г. [Электронный ресурс] // Адвокат в ЕСПЧ. 2019. URL: <http://prof-sommer.ru/postanovlenie-evropeyskogo-suda-po-delu-h-protiv-rossii-zhaloba-no-315015-ot-20-fevralya-2018-goda> (дата обращения: 04.04.2019).

электронного доказательства, как «нарушение цепи законных владений электронной информации» [3, с. 108].

Логическое продолжение развитие положений о недопустимых/допустимых доказательствах получило в п. 6.4 Концепции единого ГПК РФ. Этим пунктом предлагается более широко регулировать допустимость доказательств (с учетом опыта Казахстана¹), относить к недопустимым доказательствам «те, которые получены с нарушением требований закона, что повлияло или могло повлиять на достоверность полученных фактических данных». В этом же пункте Концепции перечисляется семь случаев недопустимых доказательств [7, с. 36].

Как видно, в числе этих случаев – ситуации существенного нарушения порядка производства процессуальных действий, лишаящих доказательства их силы, а также получение сведений с применением в ходе доказывания методов, противоречащих современным научным знаниям. К примеру, обратим внимание на такой случай недопустимости, как «получение данных от неизвестного источника либо от источника, который не может быть установлен в судебном заседании» [7, с. 37].

Авторы комментария к ст. 66 ГПК Республики Казахстан (ГПК РК) указывают, что основанием недопустимости сведений является нарушение требований ГПК РК о порядке получения доказательств. Данные нарушения связаны с лишением или ограничением гарантированных законом прав лиц, участвующих в деле. Самого факта нарушения установленного порядка получения сведений достаточно для признания их недопустимым доказательством независимо от того, повлияли или нет указанные нарушения на достоверность полученных сведений [6, с. 139–140].

Таким образом, более широкий подход к определению недопустимости доказательств практически связывается с такими существенными дефектами самой доказательственной информации, которые посягают на гарантированные законом права участников дела (а также ущемляют права и свободы, гарантированные Конвенцией о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней) и не позволяют говорить о существовании судебного доказательства как такового.

¹ См. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31 окт. 2015 г. № 377-V (с изм. и доп. на 01.04.2019). Ст. 66 [Электронный ресурс]. ПАРАГРАФ : Информ. система. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34329053#pos=7;-245&doc_params=text%3D%25D0%25B3%25D0%25BF%25D0%25BA%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D34329053%26spos%3D1%26t-Synonym%3D1%26tShort%3D1%26tSuffix%3D1&doc_pos=0 (дата обращения: 04.04.2019).

Например, в российской судебной практике выработано весьма устойчивое отрицательное отношение к возможности использования в качестве судебного доказательства заключений так называемой психофизиологической экспертизы.

Суды, отказывая сторонам в удовлетворении их ходатайства о проведении «психофизиологической экспертизы», обычно указывают, что основные требования, предъявляемые к судебным психофизиологическим экспертизам, содержатся в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Статья же 8 данного Закона предъявляет ряд требований к процедуре ее проведения: научная обоснованность применяемых методик, применение средств объективного контроля. Первое предполагает использование методов, исключительно описанных в научной литературе и апробированных в реальной исследовательской практике. Использование же методов, не обладающих этими качествами, недопустимо. Методом проведения психофизиологической экспертизы является использование полиграфа (детектора лжи) для регистрации психофизиологических реакций на какой-либо вопрос, слово и т. п., и ее заключение «не может рассматриваться в качестве надлежащего доказательства, соответствующего требованиям ст. 64 АПК РФ»².

Кроме того, суды обычно указывают в судебных актах: выводы подобного исследования нельзя признать научно обоснованными ввиду отсутствия специально разработанной достоверной методики, исключающей вероятностный характер высказанных суждений по определенному предмету, что влечет их недопустимость с точки зрения их полноценности в процессе собирания, закрепления и оценки доказательств по делу³.

Необходимо обратить внимание, что в условиях отсутствия в ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ более широкого подхода к регулированию допустимости, в судебной практике встречаются случаи явного игнорирования вышеприведенного общепризнанного подхода, чем ущемляются права участников дела.

Так, по гражданскому делу о взыскании задолженности по договору найма, суд, отказывая в иске, указал: «Согласно заключению психофизиологической экспертизы с применением полиграфа от 4 мая 2017 г. в отношении ответчика,

² Решение Арбитражного суда Тюменской области от 28 авг. 2015 г. по делу № А70-9488/2014 [Электронный ресурс] // Суд. и норматив. акты РФ. 2015. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 04.04.2019).

³ Решение Новосибирского областного суда от 5 дек. 2017 г. по делу № 7А-452/2017 [Электронный ресурс] // Суд. и норматив. акты РФ. 2017. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 04.04.2019).

у последнего выявлены психофизиологические реакции, свидетельствующие о том, что он передавал денежные средства (арендную плату) общей суммой 220 тыс. руб. за май, июнь, июль, август 2016 г. по договору найма жилого помещения от 22 сентября 2015 г.»¹.

По другому делу ответчиком было заявлено ходатайство о назначении психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа в связи с противоречивыми показаниями свидетеля – работника истца и руководителя ответчика относительно обстоятельств выдачи квитанции к приходным кассовым ордерам, от проведения которой истец отказался. «Учитывая, что риск несовершения процессуальных действий (в данном случае – отказа от проведения психофизиологической экспертизы при наличии соответствующего согласия со стороны ответчика) возлагается на истца», суд пришел к выводу о доказанности ответчиком факта оплаты задолженности в размере 132 тыс. руб. за оказанные истцом услуги по ведению бухгалтерского учета². Ошибочные выводы судов первой инстанции не были исправлены вышестоящими судами. При таких же условиях, скажем, в Республике Казахстан суды обязаны были применить п. 7 ч. 1 ст. 66 ГПК РК: сведения полиграфолога рассматривались бы ими как «сведения, недопустимые в качестве доказательства» в связи с «применением в ходе доказывания методов, противоречащих современным научным знаниям».

Полагаем, что для предотвращения подобных случаев необходимо установление в законе прямого запрета на использование недопустимых (в широком смысле) доказательств и примерного перечня таковых. Законодателю следует дополнить общую нормативную характеристику судебных доказательств указанием на «недопустимые» доказательства.

В рамках рассмотренного тренда в судебной практике получило распространение использование термина «ненадлежащее»³ доказательство в тех ситуациях, когда представляемая по делу доказательственная информация имеет существенные системные пороки, касающиеся как ее формы, так и содержания. Так, суды часто признают именно «ненадлежащими до-

казательствами» отчеты по оценке рыночной стоимости объектов недвижимости, транспортных средств. Как указывается в решении суда по конкретному делу, поскольку анализ содержания указанного отчета свидетельствует о его несоответствии требованиям закона об оценочной деятельности в Российской Федерации (ст. 11), федеральных стандартов оценки (п. 5 ФСО № 3, п. 22 ФСО № 7, п. 18 ФСО № 5) ввиду наличия в отчете технических ошибок, наличия противоречивой информации о местоположении объектов-аналогов, использования в расчетах корректировки на местоположение (листы 62–63 отчета) установленных баллов по критерию «удаленность от центра города», не соответствующих установленным шкалам качественных оценок факторов, что повлияло на определение итоговой величины рыночной стоимости земельного участка, в связи с чем «данный отчет к числу допустимых и достоверных доказательств по делу отнести нельзя»⁴.

Е. В. Додин писал, что фиксируемая в документе информация должна быть доступна проверке, а источник информации – известен или может быть установлен, в связи с чем не может рассматриваться в качестве доказательства анонимное письмо, хотя и содержащее ценную информацию по делу. При этом возможна проверка сведений из анонимного письма, но «в случае подтверждения их доказательством все равно будет не письмо, а информация, полученная в результате проверки» [2, с. 147]. Заметим также, что часть 3 ст. 12 инициативного проекта «Основы гражданско-процессуального законодательства Союза ССР и союзных республик», закрепляющая системообразующие признаки доказательств по гражданским делам, предусматривала: «Не являются доказательствами анонимные письма и другие сведения неизвестного происхождения» [5, с. 87]. Аналогичным образом п. 6 ч. 1 ст. 66 ГПК РК относит к «недопустимым» сведения от неизвестного источника либо от источника, который не может быть установлен в судебном заседании.

Актуальность урегулирования этого вопроса представляется очевидной, поскольку в правоприменительной практике наблюдается порой весьма терпимое отношение к анонимным письмам. Например, по одному из дел об обжаловании постановления Управления ФАС РФ по Ульяновской области заявитель указы-

¹ Решение Озерского городского суда Московской области от 5 дек. 2017 г. по делу № 2-152/2017 [Электронный ресурс] // Суд. и норматив. акты РФ. 2017. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 04.04.2019).

² Решение Арбитражного суда Челябинской области от 11 марта 2016 г. по делу № А76-28310/2014 [Электронный ресурс] // Суд. и норматив. акты РФ. 2016. URL: <http://sudact.ru>; в уголовной процессуальной литературе указывают на сомнительность заключения психофизиологической экспертизы, что «позволяет рассуждать о ее недопустимости в качестве доказательства по уголовному делу» [1, с. 108].

³ «Не такой, какой следует, нужен» [4, с. 609].

⁴ Решение Тульского обл. суда от 20 февр. 2018 г. по делу № 3А-1098/2017. [Электронный ресурс] // Суд. и норматив. акты РФ. 2018. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 04.04.2019); см. также: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 2 марта 2018 г. по делу № А32-41567/2014 [Электронный ресурс] // Суд. и норматив. акты РФ. 2018. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 04.04.2019).

вал на проведение проверки в отношении его на основании анонимных писем (писем, не содержащих подписи лица, подавшего обращение). Суд в удовлетворении жалобы отказал, признав порядок привлечения к административной ответственности не нарушенным¹.

Полагаем, что перечень оснований для признания доказательств недопустимыми должен быть тщательно проработан как для гражданского, так и для административного судопроизводства.

Новация в общей характеристике судебных доказательств, на наш взгляд, может быть внесена путем реализации в ГПК РФ, АПК РФ, а также в КАС РФ положений п. 6.4 Концепции единого ГПК, раскрывающих понятие недопустимых (в широком смысле – «ненадлежащих») доказательств (как полученных с нарушением требований закона, что повлияло или могло повлиять на достоверность полученных данных) и предлагающих исчерпывающий перечень таких доказательств. В частности в таком перечне следует прямо указать: «Не являются доказательствами анонимные письма и другие сведения от неизвестного источника либо от источника, который не может быть установлен в судебном заседании».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брянская Е. В., Самарин В. И. К вопросу о допустимости применения полиграфа в процессе доказывания по уголовному делу // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2018. № 3. С. 108–117.
2. Додин Е. В. Доказательства в административном процессе. М. : Юрид. лит., 1973. 192 с.
3. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. А. С. Александрова. М. : Юрлитинформ, 2015. 304 с.
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : Св. 136 000 словар. ст., ок. 250 000 семант. единиц : В 2 т. Т. 2: П–Я. М. : Рус. яз., 2000. 1084 с.
5. Инициативный проект. Основы гражданско-процессуального законодательства Союза ССР и союзных республик // Сов. гос-во и право. 1991. № 6. С. 82–95.
6. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Республики Казахстан. Астана : Б-ка Верховного Суда Республики Казахстан, 2016. 808 с.
7. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации / вступ. слово П. В. Крашенинникова; Комитет Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству. М. : Статут, 2015. 223 с.
8. Попова И. А. Традиционные и новые подходы к легальной дефиниции «доказательство» в уголовном процессе // Проблемы в рос. законодательстве. 2016. № 3. С. 202–206.
9. Решетникова И. В., Куликова М. А., Царегородцева Е. А. Справочник по доказыванию в административном судопроизводстве. М. : Норма: ИНФРА-М, 2017. 128 с.

¹ Решение Ленинского районного суда г. Ульяновска от 22 нояб. 2017 г. по делу № 12-831/2017 [Электронный ресурс] // Суд. и норматив. акты РФ. 2017. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 04.04.2019).

10. Шкурова П. Д. Письменные доказательства в гражданском и административном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 227 с.

REFERENCES

1. Bryanskaya E.V., Samarina V.I. K voprosu o dopustimosti primeneniya poligrafa v processe dokazyvaniya po ugovnomu delu. *ZHurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*, 2018, N 3, pp. 108-117. (in Russian)
2. Dodin E.V. *Dokazatel'stva v administrativnom processe*. Moscow, YUrid. lit. Publ., 1973, 192 p. (in Russian)
3. Aleksandrov A.S. (red.). *Doktrinal'naya model' ugovno-processual'nogo dokazatel'stvennogo prava Rossijskoj Federacii i kommentarii k nej*. Moscow, YUrlitinform Publ., 2015, 304 p. (in Russian)
4. Efreмова T.F. *Novyj slovar' russkogo yazyka*. *Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj* : Sv. 136 000 slovar. st., ok. 250 000 semant. edinic. In 2 vol., vol. 2, P–YA. Moscow, Rus. yaz. Publ., 2000, 1084 p. (in Russian)
5. *Iniciativnyj proekt. Osnovy grazhdansko-processual'nogo zakonodatel'stva Soyuza SSR i soyuznyh republik. Sov. gos-vo i pravo*, 1991, N 6, pp. 82-95. (in Russian)
6. *Kommentarij k Grazhdanskomu processual'nomu kodeksu Respubliki Kazahstan*. Astana, Biblioteka Verhovnogo Suda Respubliki Kazahstan Publ., 2016, 808 p. (in Russian)
7. *Konceptiya edinogo Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii*. *Vstup. slovo P.V. Krashennikova*; *Komitet Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii po grazhdanskomu, ugovnomu, arbitrazhnomu i processual'nomu zakonodatel'stvu*. Moscow, Statut Publ., 2015, 223 p. (in Russian)
8. Popova I.A. *Tradicionnye i novye podhody k legal'noj definicii "dokazatel'stvo" v ugovnom processe. Probely v rossijskom zakonodatel'stve*, 2016, N 3, pp. 202-206. (in Russian)
9. Reshetnikova I.V., Kulikova M.A., Caregorodceva E.A. *Spravochnik po dokazyvaniyu v administrativnom sudoproizvodstve*. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2017, 128 p. (in Russian)
10. Shкурова P.D. *Pis'mennye dokazatel'stva v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve*. Dis. ... kand. jurid. nauk. Moscow, 2019, 227 p. (in Russian)

Inadmissible Evidence in Civil and Administrative Proceedings

© Zubovich M. M., Tombulova E. G., Shкурова P. D., 2019

The team of authors conducted an actual complex scientific procedural and legal research, which analyzes: aspects of the pan-European trend to expand the powers of commercial arbitration and courts to determine the admissibility of evidence (forensic evidence) in cases (based on the latest European legal documents governing the use of evidence by commercial arbitration and courts); scientific aspects of the Constitution of judicial evidence in the Russian civil and administrative proceedings (on the basis of the Civil procedure Code of the Russian Federation, the Arbitration procedure code of the Russian Federation, the Code of administrative procedure of the Russian Federation, the Concept of a single Civil procedure code); comparative aspects of the use of the institution of inadmissible evidence in the civil procedure legislation of the Republic of Kazakhstan (based on the analysis of article 66 of the Civil procedure code of the Republic of Kazakhstan), in criminal proceedings (including on the basis of the Criminal procedure code of the Russian Federation, as well as the Doctrinal model of the criminal procedure); applied aspects of the negative impact on the Russian judicial practice of the lack of detailed regulation of the institution of inadmissible evidence in civil procedural codes (on the examples of actual use in Russian judicial practice as judicial evidence related to the case of information about the circumstances of the case, obtained with the help of a polygraph or «lie detector»); in conclusion, the authors propose to improve the procedural legislation by fixing the institution of inadmissible judicial evidence (including – on the basis of the Concept of a single Code of Civil procedure of the Russian Federation, using some provisions of the Initiative draft of the Basis of civil procedure legislation of the USSR and the Union republics).

Keywords: use of evidence in commercial arbitration, judicial evidence, inadmissible judicial evidence, criminal proceedings, civil proceedings, administrative proceedings.